

JURI LOTMANI AUTOPORTREED
АВТОПОРТРЕТЫ Ю. М. ЛОТМАНА
JURI LOTMAN'S SELF-PORTRAITS

BIBLIOTHECA LOTMANIANA

SARJA KOLLEGIUM

Irina Belobrovtseva (Tallinna Ülikool)

Vjatšeslav Ivanov (California Los Angelese Ülikool, Lomonossovi nimeline
Moskva Riiklik Ülikool, Moskva Riiklik Humanitaarülikool)

Boriss Jegorov (Vene Teaduste Akadeemia Ajalooinstituut Peterburis)

Kalevi Kull (Tartu Ülikool)

Tatjana Kuzovkina (Tallinna Ülikool)

Mihhail Lotman (Tallinna Ülikool, Tartu Ülikool)

Igor Pliščšikov (Tallinna Ülikool, Lomonossovi nimeline
Moskva Riiklik Ülikool)

Rein Raud (Tallinna Ülikool, Helsingi ülikool)

Peeter Torop (Tartu Ülikool)

Boriss Uspenski (Moskva Kõrgem Majanduskool)

Tallinna Ülikool
Tallinn University
Таллиннский университет

**JURI LOTMANI
AUTOPORTREED**

**АВТОПОРТРЕТЫ
Ю. М. ЛОТМАНА**

**JURI LOTMAN'S
SELF-PORTRAITS**

Koostajad | Compilers
Tatjana Kuzovkina, Sergei Daniel

Составители
Татьяна Кузовкина, Сергей Даниэль

Tallinna Ülikooli Kirjastus
Tallinn 2016

Bibliotheca LOTMANIANA

Bibliotheca Lotmaniana
Juri Lotmani autoportreed
Автопортреты Ю. М. Лотмана
Juri Lotman's Self-Portraits

Väljaanne on valminud Eesti Teadusagentuuri grandi (PUT81)
ja Eesti Kultuurkapital toetusel | Издание подготовлено при под-
держке Эстонского агенства по науке (проект PUT81) и Эстонского
культурного фонда | The preparation of the edition was supported
by the Estonian Research Foundation grant PUT81 and by the Cultural
Endowment of Estonia

Tõlkija | Переводчик | Translator: Piret Peiker
Luuletõlked | Переводы стихотворений | Translation of verses:
Evelin Banhard, Piret Peiker, Maria-Kristiina Lotman
Toimetajad | Редакторы | Editors: Igor Karlovski, Tatjana Kuzovkina,
Liisi Rünkla, Daniel Warren
Kujundus | Оформление | Design: Sirje Ratso
Sarja kujundus | Макет серии | Design of the series: Rakett
Trükk | Отпечатано в типографии | Print: Pakett

Autoriõigus | Авторское право | Copyright:
Tatjana Kuzovkina (koostamine, saatesõna, kommentaarid |
составление, вступительная статья, комментарии |
compilation, introduction, comments)
Sergei Daniel (koostamine ja saatesõna | составление,
вступительная статья | compilation and introduction)
Piret Peiker (tõlge | перевод | translation)
Eesti Semiootikavaramu ja Tallinna Ülikooli Kirjastus | Эстонский
фонд семиотического наследия и Издательство Таллиннского
университета | Estonian Semiotics Repository Foundation and Tallinn
University Press, 2016

ISSN 1736-9185
ISBN 978-9985-58-809-3

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 25
10120 Tallinn
www.tlupress.com

SISUKORD | СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

Elulugu joonistustes (<i>Tatjana Kuzovkina, Sergei Daniel</i>)	7
Биография в рисунках (<i>Т. Д. Кузовкина, С. М. Даниэль</i>)	29
Biography in Drawings (<i>Tatjana Kuzovkina, Sergei Daniel</i>)	53
Koostajatelt	77
От составителей	80
Compilers' Preface	83
Juri Lotmani autoportreed Автопортреты Ю. М. Лотмана Juri Lotman's Self-Portraits	87
Kirjandus Литература Literature	433
Nimeregister	439
Указатель имен	455
Index of names	472

ELULUGU JOONISTUSTES

Juri Lotman polnud mitte ainult sõnameister, kel olid sügavad teadmised maailmakirjandusest; tema huvidering haaras kultuuri tervikuna. Selles mängis olulist osa tema vanematekodu. Peres oli tavaks lugeda iga päev raamatuid valjusti ette ning nii õppis Lotman juba väikese poisina tundma vene ja lääne klassikalist kirjandust. Lastele jäi külge ka armastus maalikunsti vastu. “Meie isa, hariduselt jurist, [...] oli laia silmaringiga mees,” kirjutas üks Juri Lotmani õdedest, Lidia Lotman, silmapaiste XIX sajandi teise poole vene kirjanduse uurija:

Omal ajal lõpetas isa ka arhitektuurikooli. Ta tundis hästi kunstiajalugu ja kui ta meiega Leningradis/Peterburis jalutas, tutvustas ta meile linna kuulsamate ehitiste minevikku ja arhitektuuriile. Muuseumites käimist pidas ta lastele lausa hädavajalikuks ning seal selgitas ta meile pildisüžeede taustu müütides ja piiblilugudes. [...] Mõnikord said meie vanemad endale lubada teatris looži võtmist. Need olid tõelised pidupäevad. Looži kogunesid oma pere sugulaste ja tuttavate lapsed. Nii me vaatasime Aleksandra teatris “Häda mõistuse pärast”, Maria teatris Tšaikovski “Luikede järve” ja “Jevgeni Oneginit”. (Лидия Лотман 1995: 128–129)

Kõik lapsed Lotmanite peres õppisid muusikat; vanemast õest Inna Obratsovast sai helilooja ja muusikateadlane. Juri Lotmanil oli samuti hea muusikaline kuulmine, kuid õpetajate jutu järgi polnud head klaverimängija kätt. Kuuendast kuni

kaheteistkümnenda eluaastani mängis ta siiski klaverit ja kord sai isegi ülelinnalisel taidluskonkursil esimese koha. Kogu oma elu käis ta klassikalise muusika kontsertidel, mõnikord mängis ka ise.¹

Juri Lotman oli andekas joonistaja. Isegi sellel tema jaoks ilmselt marginaalsel loomealal jäid temast maha vägagi tähelepanuväärsed tööd, millest seni on vaid väike osa laiemale publikule tuttav. Joonistamise alguskused omandas Lotman koolis (endises saksa gümnaasiumis, kuulsas *Peterschule's*), kus õppisid ka tema vanemad õed. Inna Obratsova meenu-tusel hoiti perekonnas pikka aega alal Juri Lotmani maalitud natüürmorti, mida õpetaja pidas erakordselt heaks, suutmata peaaegu uskudagi, et poiss oli selle teinud iseseisvalt. Joonis-tamine oli ka üks perekonna lemmikajaviiteid: vanem õde õpetas nooremaid lapsi joonistama, anti välja pildialbumeid², ajakirja Väike Teadlane ja seinalehti.

Need oskused tulid esmakordselt “professionaalsele” tarvitusele armees enne 1946. aasta demobiliseerimist. Oma

¹ Poeg Mihhail Lotman mäletab, et Juri Lotman oskas lihtsamaid pala-sid noodist mängida, kuid tegi seda väga harva. Natalja Obratsova mee-nutab, et kord saatis Juri Lotman jutustust rektori juures käigust muusi-kalise improvisatsiooniga klaveril.

² Koduseid pildialbumeid anti hiljem välja ka Lidia Lotmani peres, näiteks Roštšino suvilas 1948. aasta suvel. Lisaks teistele piltidele joonistas Lotman sinna kaks autoportreed (joon. 11, 12). 1960ndate algul, kui Obratsovid suvitasid Elvas, anti välja ajalehte *Образцовый лжец* (siin on sõnamäng: “Eeskujulik valetaja”, aga samas ka “Obratsovide valetaja”); pealkiri oli inspireeritud Gianni Rodari raamatust “Gelsomino valetajate maal”). Tekstide (põhiliselt luuletuste) ja piltide sagedasimaks autoriks oli Juri Lotman.

“Mitte-memuaarides” meenutab Lotman, kuidas pärast sõjategevuse lõppu, kui ta väeosa paigutati Saksamaal nõukogude okupatsioonitsooni, loodi seal rindeteater, mille jaoks tema dekoratsioon maalis:

Kui me ükskord esitasime mingeid stseene antiiktragöödiatest ja lavasügavusse olid paigutatud minu maalitud antiikjumalannasid kujutavad dekoratsioonid, arvas poliitosakonna ülem, et olime need võtnud keldrist, Saksa teatri tagavaradest, ja kamandas: “Aga see saksa l**s silmapilk ära koristada.” Kui kandsin ette, et see pole sakslaste oma, vaid eile minu joonistatud, kukkus tal suu lahti: “Sina joonistasid – noo, kõvasti paned!” (Lotman 2010b: 80)

Valmistades sõjaväe klubi jaoks plakateid ja kuulutusi, omandas Lotman oskuse ruutude haaval fotodelt portreesid kopeerida ja hiljem ülikoolis õppides teenis sellega lisaraha. Veel üks sissetulekuallikas oli piltide joonistamine arenguprobleemidega laste õpetamiseks, kellega töötas Lidia Lotmani ämm, õpetaja-defektoloog Anna Naiditš.

Nagu teada, mängis võimeka kunstniku maine rolli ka Juri Lotmani tudengipõlve-aegsel sõbrunemisel oma tulevase abikaasa Zara Mintsiga:

Kord tuli pärast loengut minu juurde Zara Grigorjevna koos Vika Kamenskajaga ja tegi mulle ettepaneku kujundada saal läheneva Majakovski-konverentsi jaoks, muu hulgas oleksin pidanud ma joonistama ka Majakovski portree. Ma püüdsin kogu aeg säästa aega teadustöö jaoks, millele ma pühendusin lausa pudelit

БИОГРАФИЯ В РИСУНКАХ

В наследии выдающейся творческой личности ценно все. Юрий Михайлович Лотман был не только наделен феноменальным чувством слова, не только обладал глубоким знанием мировой литературы – сфера его интересов охватывала культуру в целом. Этим он во многом обязан и родителям. В семье было принято ежедневно читать вслух, так Ю. М. уже в ранние детские годы узнал произведения русских и западных классиков. Детям прививалась и любовь к живописи. «Наш отец – юрист по образованию <...> – был человеком широкой эрудиции», – писала одна из сестер Ю. М. Лидия Михайловна Лотман, видный исследователь русской литературы второй половины XIX века, –

В свое время он окончил и архитектурное училище, хорошо знал историю искусства и, гуляя с нами по Ленинграду-Петербургу, посвящал нас в прошлое самых знаменитых зданий города, в стили архитектуры. Сделав обязательным для детей посещение музеев, он объяснял нам мифологические и библейские сюжеты картин. <...> Наши родители иногда могли себе позволить взять ложу в театре. Это был большой праздник. Ложа заполнялась детьми нашей семьи, родственников и знакомых. Так мы смотрели «Горе от ума» в Александринке, «Лебединое озеро» и «Евгения Онегина» Чайковского в Мариинском театре (Лидия Лотман 1995: 128–129).

Все дети в семье Лотманов учились музыке; старшая сестра, Инна Михайловна Образцова, стала профессиональным композитором и музыковедом. У Ю. М. тоже был хороший слух, но, по словам педагогов, не пианистическая рука. С шести до двенадцати лет он играл на рояле и даже занял одно из первых мест в общегородском смотре художественной самодеятельности. На протяжении всей жизни Ю. М. посещал концерты классической музыки, иногда и сам музицировал¹.

Ю. М. был одаренным рисовальщиком. И в этой, казалось бы, маргинальной для него области творчества он оставил замечательные образцы, лишь отчасти известные широкой аудитории. Основные навыки рисования Ю. М. приобрел в школе (бывшей знаменитой «Петершуде»), где учились и его старшие сестры. По воспоминаниям Н. Ю. Образцовой, в семье долго хранился нарисованный им натюрморт, высоко оцененный учителем, который даже не поверил, что мальчик нарисовал его самостоятельно. Рисование было и одним из любимых семейных занятий: старшая сестра учила рисовать младших, выпускались домашние альбомы², журнал «Маленький ученый», стенгазеты.

¹ По воспоминаниям М. Ю. Лотмана, Ю. М. несложные вещи мог играть с листа, но делал это очень редко. Н. Ю. Образцова помнит фортепианную импровизацию Ю. М., сопровождавшую его рассказ о походе к ректору.

² Домашние альбомы с рисунками «издавались» позже и в семье Л. М. Лотман, например, на даче в Рощино летом 1948 года. Помимо других рисунков Ю. М. оставил в нем два автопортрета (рис. 11, 12); в начале 1960-х гг. на даче в Эльва, где отдыхала семья Образцовых,

BIOGRAPHY IN DRAWINGS

Juri Lotman was not only endowed with a phenomenal sense of language and had a deep knowledge of world literature – the scope of his interests included culture as a whole. This had much to do with his childhood home. The family had a tradition of reading aloud every day, thus already in early childhood Lotman got to know the Russian and Western literary classics. The children were also inspired with a love for visual arts. “Our father, a lawyer by training [...] was a man of wide erudition,” wrote one of Juri Lotman’s sisters, Lydia Lotman, a prominent scholar of Russian literature of the second half of the 19th century:

At one time father also graduated from the architectural school. He knew the history of art very well, and when he took us for walks in Leningrad/Petersburg, he told us about the past of the city’s most famous buildings and about the styles of architecture. He considered visits to museums indispensable for children, and there he explained to us the mythological and biblical background of the scenes depicted in the paintings. [...] Sometimes our parents could afford to take a box at the theater. These occasions were great treats for us. The box was filled with the children of the family, of relatives and friends. In this way we watched “Woe from Wit” at the Alexandrinsky theatre, “Swan Lake” and “Eugene Onegin” by Tchaikovsky at the Mariinsky Theatre” (Лидия Лотман 1995: 128–129).

All the children in the Lotman family studied music; the eldest sister, Inna Obratsova, became a professional composer and musicologist. Lotman also had a good ear, but, according to his teachers, no pianist's hand. However, as a six to twelve year old he did play the piano, and even won one of the first prizes at the city's amateur performers' competition. Throughout his life, Lotman attended classical music concerts, sometimes he also played music¹.

Lotman had a talent for drawing. Even in this, it would seem, marginal area of creativity for him, he left behind noteworthy works, only partially known to a wider audience. Lotman acquired basic drawing skills at school (the former German gymnasium, the famous "Peterschule"), where his older sisters studied as well. Inna Obratsova remembers that the family for a long time treasured a still life by Lotman, very highly regarded by his teacher who could hardly believe that the boy had made it all on his own. Drawing was also one of the family's favourite activities: the eldest sister taught the younger children how to draw, the family produced drawing albums², a magazine called *Little Scholar* and wall newspapers.

¹ Juri Lotman's son Mihhail Lotman remembers that his father was able to play simpler pieces of music from a sheet, but did so very rarely. Natalya Obratsova recalls an occasion when Lotman accompanied the account of his visit to the university rector with an improvisation on the piano.

² Family drawing albums were later also issued by the family of Lydia Lotman, for example in their Roshchino summer cottage in the summer of 1948. Among other pictures Lotman contributed two self-portraits to this album (drawings 11, 12). Furthermore, in the Elva summer cottage where the Obratsovs spent their holidays there was issued the newspaper

31.

TÜ, f 135, s 1938, l 21. 22.07.1957. Kirjutuspaber: 29×20,2. Joonistus: 7,6×11,8. Tint, sullepea. Lehekülg kirjast Zara Mintsile. Tekst joonistuse sees: “Rahu olgu sinuga, vaene patune.” Tekst joonistuse kohal: “Istun raamatukogus (ajakirjanduse saalis). Aju kuumes üle ja tilgub ninast ja kõrvadest. [...] Vaatasin kõrva ja sain tilga värvist aru, et aju on juba välja voolanud, tulemas on väikeaju. [...] Peale selle. Ma rasvun, ma rasvun katastroofiliselt (paralleelselt vaimsete ja seksuaalsete näitajate langusega). Kõrvalseisjad nimetavad mind juba “paksuks vanakeseks””

РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 1938. Л. 21. 22.07.1957. Писчая бумага: 29×20,2. Рисунок: 7,6×11,8. Чернила, перо. Страница письма к З. Г. Минц. Надпись на рисунке: «Мир праху твоему<, > бедный грешник.» Текст над рисунком: «Сижу в библиотеке (журн<альный> зал.) Мозг растопился и каплет из ушей и носу. <...> Взглянул на ухо и по цвету капель понял, что мозг уже вытек, начинается мозжечек. <...> Без оного<, > Я жирею, я жирею катастрофически (параллельно с падением умственных и сексуальных данных). Меня уже посторонние люди называют “толстый старикашка”»

TU. Collection 135. Arch. file 1938. L. 21. 22.07.1957. Writing paper: 29×20,2. Drawing: 7.6×11.8. Ink, pen. A page from a letter to Zara Mints. Caption in the drawing: “Peace be with thee, poor sinner.” Text above the drawing: “I am sitting in the library (the media hall). The brain has overheated and it is dripping out of my ears and nose. [...] I looked at my ear and saw by the colour of the drops that the brain is already out, the cerebellum will be the next. [...] Moreover. I am getting catastrophically fatter and fatter (parallel to the drop in my mental and sexual indicators). Bystanders already call me a “fat old man””

22.04.57.

Заглав!

Силы в Бродском (Шурри. бан.) Мозг распотрошен и
 каплет из ушей и носу. От глотывания кончат и брю,
 что, хотя ступенное личност еще много соображает
 (с удивлением видел и кудриды дух, видимо, дава-
 ков, хотя же обидели камне-то гудило и, понаско
 поклам дух духа), но основная масса имеет.
 Потт пьет со всех как в бане и настроение сильное
 Банное: Благодунко-каровое. Ей боту - плуц и
 кресту! Табу. Главу крест - meno удешивалат
 в 1-де тельно гонимое соображение. Атакие
 бан в воскресенье - делал уны в лисам, но в
 эту полуть, видимо, не успевают дасть - дадут
 в среду, а сил сбудущая - уло - (кажется)
 10-го Там - по уеду до! Вред куть куки и
 делодомно слынешь. Взглянул на уло и по
 уфру капель павил, что мозг уже вытек, наги-
 няется мотнегел. Делало педеро. Уезд же про-
 фотку в безмозговом состоянии.

Без этого

объ

Я пишу, я пишу как пострадалости (параллельное
 надеется устешак и сенсациях дашло). Меш
 уно пострадалости глди кабокает "полноценный стади-
 канка"

F. 135
 S. Pa
 1938

К Стали
 см. об.
 ↓

W

32.

TÜ, f 135, s 1938, l 21 (tagakülj). 22.07.1957. Kirjutuspaber: 29×20,2. Joonistus: 10×15,9. Tint, sullepea. Lehekülj kirjast Zara Mintsile. Tekstid joonistuse sees: “Seltsimees! Ma ostsin palitu. Aga sina?”, “vabandust, ilma vööta”. Tekst joonistuse kohal: “Me läksime Mišaga, Bluma Abramovna pojaga, poodi, kus tal oli tuttav müüja, kes aitas meil kätte saada “ülimoodsa” (hall, “tekstuuriga”, “kirjuruuduline”) Tšehhi mantli, väga hästi ömmeldud ja heast materjalist. Maksab ainult 900 r., Tšehhi omad on kõik odavad. Kodumaisena oleks see asjatundjate hinnangul maksnud vähemalt 1500 r. Ja veel mütsi – veluurist. Suudlen sind, kutsikaid, Koer. 22.VII.57. RAR Leningradis.” Tekst joonistusest vasakul: “Muide, kuna ma midagi ei jõua, siis kirjutan “Slaavi kogumikku” artikli “Kuidas ma Tallinnas Tšehhi mantli ostsin (slaavi-eesti sidemete teemal)”. Tšehhi aspekti osas kutsun Malevitši kaasautoriks.”

РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 1938. Л. 21 об. 22.07.1957. Писчая бумага: 29×20,2. Рисунок: 10×15,9. Чернила, перо. Страница письма к З. Г. Минц. Надписи на рисунке: «Товарищ! Я купил пальто<.> А ты?»; «виноват, без пояса». Текст над рисунком: «Мы пошли с Мишей, сыном Блюмы Абрамовны в магазин, в котором у него знакомый продавец и он помог нам подобрать “наимоднейшее” (серое с “продрисью”, “пестроклечатое” в яблоках) чешское пальто очень хорошо сшитое и из хорошего материала. Оно стоит 900 р.<.>, ибо чешские все дешевые. Отечественное бы оно стоило, по мнению знатоков, не менее 1500 р. А еще шляпа – велюр.<.> Целую тебя, псят<.> Пёс<.> 22.VII.57<.> ГПБ в Л<енингра>де.» Текст слева от рисунка: «Кстати, поскольку я ничего не успею, то я в “Славянский сборник” напишу статью: “Как я купил в Таллине чешское пальто (к вопросу о славянско-эстонских связях).<.> Чешскую сторону буду писать в соавторстве с Малевичем».

F135
S. 1938
1938

Мад ити итани да, окаръваевоа те пожури
вкитривити ит Мадлина о ижури
палъто. ДИИ ружетоа, што мои писани
те докадени

Сигурен вјид те докадени
Сигурен вјиде-паден
Вјиде мент хоттели.

Моа пазиме с Лилиа, ситиот бившиот доф.
в магацин, в кајотом у него бившиот до-
фател и си помет нам падеврѣв "кашлад-
кебице" (своа с "мудрисво", "непронетат" в
Доблоах) режуево палъто отио којоао ситио
и ит којоао магацин. Воо стана јоду ив
режуево во децениа. Овоа стана бн ово
стано, по менте бившиот, ко менте 1500.

А еше менте — велор
Уежуе теа, пазит
22.VII.57 МТБ в А-ВВ. }
pic

Крета, пошолу и кетер на
учено, во в, Стафански собрани
нашну стана: "Кан и купит
в Тошине ментево палъто (к
копуево о стафанско-врат
строму оту менте
с сабожице
с Манчестер

Товару! →
купит палъто
А ТБ1?
→ купит, дес носен

TU. Collection 135. Arch. file 1938. L. 21, reverse. 22.07.1957. Writing paper: 29×20.2. Drawing: 10×15.9. Ink, pen. Page from a letter to Zara Mints. Caption in the drawing: “Comerade! I bought a coat. What about you?”, “sorry, no belt”. Text above the drawing: “Misha, Bluma Abramovna’s son, and I went to a shop where he knew the salesman and he helped us to get hold of a “most fashionable” (grey with “texture” “multicoloured tartan”) Czech coat, very well made and from a good material. It costs 900 r., the Czech ones are all inexpensive. A homeland one of that kind would have been at least 1500 r., according to experts. And also a hat – from velour. Kiss you, puppies, Hound. 22.VII.57. SPL in Leningrad.” Text left of the drawing: “By the way, as I have no time to get anything done, I will write an article “How I bought a Czech coat in Tallinn (on the issue of Slavonic-Estonian ties).” I will ask Malevich to be a co-author of the Czech angle”.

33.

Natalja Obratsova erakogu. 1957. Märkmepaberileht: 14×10,1. Pliiats. Pildi süžee: Juri Lotman riidleb kaheksa-aastase kokošnikus (karnevaliriietes) Natalja Obratsova.

Личный архив Н. Ю. Образцовой. 1957. Лист из блокнота: 14×10,1. Карандаш. Сюжет рисунка: Ю. М. ругает восьмилетнюю Наташу Образцову в кокошнике (карнавальным костюм).

Personal archive of Natalya Obratsova. 1957. Notepaper sheet: 14×10.1. Pencil. The sujet of the drawing: Juri Lotman is scolding the eight-year-old Natalya Obratsova who is wearing a kokoshnik (carneval dress).

